

точек безразличия находится по разные стороны от линии бюджета. До позиции P_1Q_1 потребитель использует только ТТП. Точка равновесия располагается только на горизонтальной оси в P_1 . В позиции P_1Q_2 две точки L_2 и P_1 являются возможными для потребителя, так как угол наклона линии бюджета равен MRS между P_1 и L_2 . Для позиции непосредственно между P_1Q_1 и P_1Q_2 точкой равновесия всегда будет P_1 .

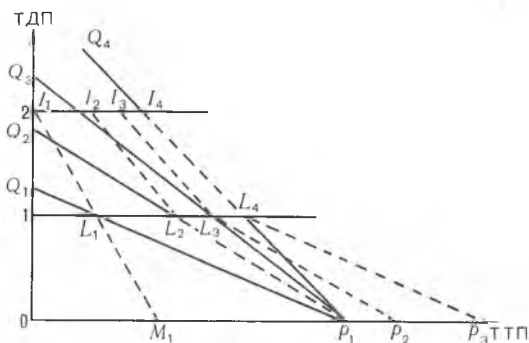

Рис. 3

Существует таким образом область изменения цены (для располагаемой величины финансов), которая несколько не меняет выбор потребителя. Отсюда и вытекает понятие максимальной цены покупки. Оно существует для каждой единицы ТДП. Предприятие, продающее ТДП, может приблизительно определить количество возможных покупателей, учитывая два критерия: обладания потребителя финансовым минимумом и максимальной цены покупки.

¹ См.: Gould J.-P., Ferguson C. E. Theorie microeconomique. Paris, 1984.

² См.: Milleron J.-C. Introduction a la microeconomic. Paris, 1979.

³ См.: Piganiol B. Consommation, epargne et biens durables. Paris, 1969.

М. В. НАУЧИТЕЛЬ, Б. В. СОРВИРОВ

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ ТЕОРИИ ПЕРЕХОДА К РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКЕ

Уровень теоретического осмысления проблем перехода к рыночной экономике, достигнутый на сегодняшний день экономической наукой, следует оценить как явно недостаточный и весьма неопределенный. Если даже предположить, что существует специальная область экономической теории, занимающейся переходом к рынку, то вполне очевидно доминирование ее рекомендательной части над описательной. В большинстве работ на эту тему проблема перехода к рынку ставится так, будто все уже давно ясно и остается только определить программу конкретных действий. За период так называемой перестройки к такой ситуации все настолько привыкли, что просто перестали замечать ее абсурдность. Ведь та теоретическая основа, на которой базировалась и продолжает основываться работа по хозяйственным преобразованиям не только в нашей республике, но и в других странах СНГ, зиждется, по сути дела, на отдельных догадках, наблюдениях, прожектах и пожеланиях. Не более!

Как правило, в такой интерпретации переход к рынку, сама реформа предстают либо специфическими сторонами, доступными пониманию лишь небольшой группы профессионалов, либо в виде общих деклараций о преимуществах рыночного хозяйства. При этом последние, вероятно, могут вдохновить на проведение преобразований, но не дают цельной картины сопутствующих процессов. В то же время, если отбросить в сторону крайности, средний уровень обобщения переходных процессов, когда накопленный теоретический и эмпирический материал позволяет дисциплинировать наши размышления о реформе и не застопоривать их на каком-либо частном вопросе, практически отсутствует. А это верный признак того, что с экономической теорией, точнее, теорией, изучающей и описывающей переходные процессы, не все благополучно.

Однако в том, что переход от одного типа экономики (командно-административного) к другому (рыночному) практически не опирается на теорию, есть своя закономерность. Похожим образом осуществлялся и предыдущий переход — от рынка к плану в 20-е годы. Тогда, как и теперь, реформаторам лучше виделась конечная цель, чем трудности и пути ее достижения. В этой связи возникает закономерный вопрос: а стоит ли вообще тратить время на разработку самой теории перехода к рынку? При такой постановке вопроса видятся и возможные аргументы в пользу этой точки зрения.

Во-первых, переход к рынку представляет собой уникальное событие, которое повторяется в истории страны один раз. Однако уникальными виделись в свое время и другие хозяйственные катаклизмы, хотя и меньшего масштаба: первый биржевый крах, первая гиперинфляция, первый экономический кризис. А эти события, как показывает история, имеют тенденцию повторяться.

Во-вторых, отсутствие теории перехода к рынку отнюдь не мешает реформаторам и авторам программ рыночных преобразований и вариантов путей преодоления переходного кризиса дискутировать на темы становления рынка и определения даже временных показателей появления рыночной экономики. Наоборот, ее наличие вынуждало бы их якобы вписываться в ту или иную систему постулатов и выводов, ограничивало бы саму реформаторскую мысль «специалистов» рыночной экономики, что привело бы к снижению эффективности их пропагандистских усилий.

В-третьих, «экономика» на времени разработки теории перехода к рыночной экономике позволит сразу же перейти к решению практических задач по «вводу» рынка в республике, поскольку для успешного перехода к рыночной экономике достаточно, мол, знать, как она устроена. А поскольку этих знаний накоплено много и они тиражируются средствами массовой информации, то создается иллюзия, что и реформы основываются на прочном теоретическом фундаменте.

Ошибочность подобной точки зрения и представлений о необходимости разработки и изучения теории переходного периода к рынку очевидна: одно дело — понимать устройство рыночного механизма, его функционирование, другое — уметь его создать. «Иронией судьбы, — писал профессор Йельского университета В. Нордхауз, — является то, что Советский Союз второй раз за это столетие вынужден идти по нехоженой тропе. Хотя в отличие от первого раза сейчас, переходя от командной к рыночной экономике, он движется по направлению к хорошо изученной территории. Мы можем многое сказать о том, как экономика стран Восточной Европы будет функционировать после того, как она осуществит переход к рынку. Неясности возникают главным образом по поводу самого перехода от централизованно-планируемой к рыночной экономике»¹.

В наших же условиях — симбиоза командно-административной экономики и извращенных форм рынка, рудиментов «дикого капитализма» XIX века — рекомендации некоторых специалистов-рыночников бывают порой неконструктивны и ошибочны. Своей несбыточностью или преждевременностью некоторые из них, быть может, скорее мешают, чем помогают делу.

Вместе с тем обилие рекомендаций и постоянное повторение некоторых из них в дискуссиях экономистов создают впечатление существования теории рыночного перехода. Этому способствуют категоричность и решительность формулировок предлагаемых мероприятий, детальная проработка программ перехода к рынку, расписанные по времени и объему сроки преодоления кризисных явлений в экономике, после которых (наконец-то!) наступит вожделенный рынок.

Однако ни обилие идей, ни число и авторитет их приверженцев не способны отменить печальный факт незавершенности наших взглядов на процесс перехода. Детали, возможно, и ясны, но целостной картины нет. И прежде всего в той ее части, дать которую должна экономическая теория. Безусловно, давно уже изучаются такие проблемы, как инфляция, налогообложение, эмиссия денег, конвертируемость и многие другие, которые остро стоят перед экономикой республики. Эти проблемы в течение длительного времени не привлекали внимания нашей экономической науки. Но вполне очевидно и то, что они все-таки не имеют непосредственного отношения к рыночному переходу. Это вторичные признаки, сопутствующие основной работе, но не составляющие ее суть.

Основная работа ассоциируется у нас по традиции не столько с теориями, сколько с программами, в том числе и перехода к рынку. Наличие таких программ, скрупулезность разработки их некоторых разделов способствуют тому, что теоретические идеи, их логические построения выглядят слишком отвлеченными, не учитывающими мно-

гих важных факторов. Теория — не программа, и требовать от нее ответов на конкретные вопросы неправомерно. В такой постановке данный тезис не встречает особых возражений. Но в своем развернутом виде «программа — не теория» он менее убедителен. Складывается впечатление, что многие экономисты-практики искренне верят в то, что если выбрать из зарубежного опыта реформирования все, давшее позитивные, с их точки зрения, результаты, то в итоге как раз и получится более или менее законченная теория рыночного перехода.

Подобные представления достаточно широко распространены, хотя и не сформулированы в явном виде. В этой связи следует заметить, что, во-первых, опыт уже проводимых реформ относится больше к эмпирической, чем к теоретической стороне проблемы. Полагать, что путем простого отбора удачных мероприятий можно получить теорию рыночного перехода, весьма наивно и опасно для будущих реформ.

Во-вторых, даже если реформа закончилась успешно, это еще не означает правильности и обоснованности программы. Всегда остается вероятность, что преобразования могли бы быть проведены проще, быстрее, безболезненнее, без негативных социально-экономических и политических ошибок. Предварительные теоретические знания играли бы здесь не последнюю роль.

В-третьих, нет гарантий того, что программа, осуществленная в одной стране, не натолкнется на непреодолимые трудности в другой. И дело здесь, прежде всего, не в национальной специфике, а в разных масштабах решаемых задач. Теоретические ошибки реформаторов, к примеру в Польше, усугубляя хозяйственные трудности в своей стране, могут не влиять в целом на позитивный результат преобразований. Но, повторенные в наших условиях, те же ошибки способны, возможно, надолго затормозить процесс реформирования или даже повернуть его вспять.

В-четвертых, понимание, куда идти, далеко не равнозначно вопросу, как идти. Если в первом случае зачастую достаточно веры, убеждения, житейского опыта сравнения современного уровня развития двух систем, то во втором нужны не только глубокие познания в области экономической теории и практики развития капиталистического мира, но и не менее глубокие и всеобъемлющие познания закономерностей функционирования командно-административной системы, равно как и ее распада.

Ни для кого не секрет, что на такую систему знаний не опиралась еще ни одна из многочисленных экономических программ, принятых за последние годы. Мероприятия же, осуществленные в этот период, не только не достигали целей, но часто имели результаты, прямо противоположные тем, которые они преследовали. И дело здесь не только в отсутствии необходимого научного потенциала в республике и соответствующих институциональных структур, способных оперативно абсорбировать поток научной и прочей информации и принимать на ее основе решения. Эффективность тех или иных программ, помимо запаса знаний, на который они опираются, зависит еще, по всей вероятности, от самого состояния хозяйственной системы (в статическом или динамическом состоянии она находится), уровня теоретического обобщения предшествующих этапов и периодов развития экономики и разработки теоретических основ экономики переходного типа.

Мы живем в стремительно меняющемся мире, и лишь небольшим преувеличением будет мнение, что наши знания об этом мире устаревают раньше, чем объективно могли бы быть накоплены. Степень неопределенности перспектив развития хозяйства, безусловно, сейчас наиболее высокая за последние годы, и она еще многократно усиливается за счет неопределенности социально-политических процессов: формирования новых политических структур, социальных конфликтов и т. п.

В этой связи закономерен вопрос, в какой мере, вырабатывая концептуальные основы перехода к рынку, мы, в нашей ситуации, можем опираться на мировой опыт? При постановке такого вопроса отнюдь не подвергается сомнению важность использования достижений западной экономической мысли, опыта перехода от военной к мирной экономике в странах Западной Европы, опыта рыночных реформ в развивающихся странах и многого другого. Проблема же заключается в том, как этот опыт приложить. При всей сложности этой проблемы очевидно, по

крайней мере, то, что применение мирового опыта будет тем эффективней, чем полнее будут знания о нашей хозяйственной системе — ее недавнем прошлом, изменчивом настоящем, т. е. о том, к чему этот опыт должен быть приложен.

Наряду с явно недостаточным уровнем наших знаний о бывшей хозяйственной системе и высокой степенью неопределенности перспектив ее развития как факторов, ограничивающих возможность целенаправленного воздействия на ход общественно-экономического развития, отчетливо виден и еще один важнейший момент — пробел в теоретическом обосновании перехода к рынку, вернее — преодоления кризиса переходного периода экономикой республики.

Но что считать теорией перехода к рынку: либо систематизированные и по необходимости отвлеченные логические построения, либо эклектический набор конкретных рекомендаций типа «финансовой стабилизации», «приватизации государственной собственности», «либерализации цен» и т. п.?

Многие предпочтут, пожалуй, второй вариант, обосновывая это скоротечностью перемен, недостатком отпущенного времени и прочими причинами практического характера. В пользу же первого варианта трудно отыскать, наверно, столь веские аргументы. А вместе с тем именно первый вариант позволил бы, абстрагируясь от чисто идеологической и политической конъюнктуры, определить, обосновать все трудности, опасности (с точки зрения социального взрыва) на пути реформирования командно-административной экономики в рыночную, помог бы избежать тех «ловушек», в которые постоянно попадают наши реформаторы.

Следует, впрочем, заметить, что недоверие к потенциальным возможностям экономической теории — явление далеко не новое. Было бы ошибочным выводить его из особенностей переживаемого момента. Еще Ж.-Б. Сэй, оценивая состояние и перспективы развития своей науки, писал: «В Политической Экономии, как и во всякой другой науке, начала суть истинно полезная часть, способная к важнейшим приложениям. Теория рычага и наклонной плоскости предала во власть человека всю природу; теория обменов и сбыта изменит политику мира. Время систем прошло; время неясных теорий — также»².

Слова эти были написаны почти два века тому назад, когда многим, в том числе и Ж.-Б. Сэю, казалось, что после А. Смита экономическая теория в основном завершена, по крайней мере, в своей полезной для практики части. С тех пор возникло много новых «систем» и «неясных теорий». Назовем лишь несколько наиболее известных имен: Дж. С. Милль, К. Маркс, А. Маршалл, Дж. Кейнс, Й. Шумпетер. Но чувство достаточности уже добытых знаний благополучно дожило до сегодняшнего дня, определяя в той или иной мере наше восприятие проблем рыночного перехода.

¹ Economic reform and integration. Collaborative paper. Proceedings of 1—3 March 1990 meeting, International Institute for Applied Systems Analysis. Laxenburg, 1990. P. 165.

² Сэй Ж.-Б. Катехизис политической экономии или краткое учение о составлении, распределении и потреблении богатств в обществе. СПб., 1883. С. XIII—XIV.

В. М. БУСЬКО

КРЫТЫКА ФАШЫСЦКАЙ ЭКАНАМІЧНАЙ ПАЛІТЫКІ І ІДЭАЛОГІІ ВУЧОНЫМІ БЕЛАРУСІ

(1922—1929 гг.)

Сёння нярэдка можна пачуць выказванні некаторых грамадазнаўцаў аб блізкасці камуністычнай і фашысцкай ідэалогій. Прыхільнікі другога напрамку не толькі адмаўляюць падабенства гэтых ідэалогій, але гавораць аб іх карэннай сацыяльнай супрацьлегласці: камунізм — ідэалогія пралетарыяту, фашызм — ідэалогія найбольш рэакцыйнай часткі буржуазіі. Цікавым, на нашу думку, будзе азнаямленне з поглядамі на гэту праблему беларускіх навукоўцаў-грамадазнаўцаў 20-х гадоў, калі якасці